

EHRAC

Бюллетень



Новый российский закон об «иностранцах» вызывает серьезные проблемы для гражданского общества

15.11.2012, Аваз Рауф, юрист

Недавно в России был принят ряд мер, которые направлены на ограничение активности гражданского общества и способны оказать катастрофическое воздействие на гражданские свободы и права человека на территории страны.

В июле 2012 г. президент Владимир Путин подписал спорный законопроект, согласно которо-

му некоммерческие организации (НКО), получающие финансирование из-за рубежа и ведущие политическую деятельность, обязаны регистрироваться в качестве «иностранцев» и соблюдать обременительные требования по отчетности («закон»). Несоблюдение нового режима может привести к отмене регистрации НКО и повлечь уголовные санкции для ответственных лиц. В октябре 2012 г. российский

парламент также одобрил поправки, расширяющие определение «государственной измены», которая теперь будет включать в себя оказание любого содействия иностранным державам или международным организациям, направленное на подрыв безопасности России.

Оценивать конкретное воздействие этих мер пока преждев-

продолжение на с. 2

От редактора

В регионе, где работает EHRAC, нередко принимаются репрессивные законы, которые направлены на ограничение деятельности организаций гражданского общества. Реальное беспокойство в России на сегодняшний день вызывает новый федеральный закон, возлагающий на НПО, получающие финансирование из-за рубежа, обязанность идентифицировать себя в качестве «иностранцев» - тем самым представляя серьезную угрозу их способности вести эффективную и независимую работу. Аваз Рауф анализирует этот закон в своей статье.

Также в этом номере Сирануш Саакян («Защита прав без границ») рассматривает, насколько в Армении реали-

зованы положения ст. 3 ЕКПЧ (запрет пыток) и Конвенции против пыток. Анализируя недавно коммуницированные дела, Кирилл Коротеев («Мемориал») размышляет о том, «что ожидает Грузию в Европейском Суде», а Дмитрий Котляр (бывший зам. министра юстиции Украины) обсуждает одно из малоизвестных положений Европейской Конвенции – ст. 18, – которая запрещает государственным органам применять допустимые ограничения Конвенции в иных целях, нежели те, для которых они предусмотрены, и произвольным образом, например, в случае политически мотивированного судебного разбирательства.

Проф. Филип Лич,
директор EHRAC

Содержание

Новый российский закон об «иностранцах» вызывает серьезные проблемы для гражданского общества	1
От редактора	1
Реализация КПП и ст. 3 Европейской конвенции о правах человека в Армении: проблемы и достижения	3
Проблемы доказывания в Европейском Суде дел по ст. 18	6
Бег по кругу – рекриминализация диффамации в России	7
Что ожидает Грузию в Европейском Суде? Анализ недавно коммуницированных дел	9
Новости о правах человека	11
Судебные дела по правам человека	13
О проекте	20

ременно. Однако существует реальная опасность, что широта и неопределенность этих положений могут привести к самоцензуре, жесткому правительственному контролю и произвольному вмешательству в права на свободу слова и свободу объединения.

Закон

Согласно закону, вступающему в силу 21 ноября 2012 г., НКО, получающая или намеревающаяся получить финансирование из «иностранный источник» и ведущая или намеревающаяся осуществлять «политическую деятельность», обязана зарегистрироваться в качестве НКО, «осуществляющей функции иностранного агента» («иностранной агент»). Режим возлагает на иностранных агентов несколько обязательств. Основные их аспекты можно разделить на следующие категории: регистрация, публикация информации о деятельности и финансовая отчетность.

Регистрация

Закон не устанавливает деталей процедуры регистрации. Ожидается, что их будет определять государственный орган, отвечающий за реализацию этой схемы (вероятнее всего министерство юстиции). Есть опасения, что процедура регистрации станет серьезным административным и финансовым бременем для регистрирующих органов.

Обнародование информации

Материалы, публикуемые и/или распространяемые иностранным агентом, должны содержать указание на его статус «иностранный агент». В русском языке выражение «иностранной агент» носит негативный оттенок, поскольку синонимично вы-

ражению «иностранной шпион». Поэтому обязанность обозначать такой статус нанесет вред репутации иностранного агента и его публикациям, и спровоцирует повышенный государственный контроль за такой организацией.

Финансовая отчетность

От иностранных агентов требуется соблюдать обременительные обязательства по представлению отчетности. Они потребуют значительного времени и средств, тем самым ограничивая возможность иностранного агента выполнять свои повседневные функции.

На некоторые типы НКО (в том числе государственные структуры) положения закона не распространяются. Однако ожидается, что большинству правозащитных организаций, работающих в России, придется регистрироваться в качестве иностранных агентов в соответствии с новым режимом. Сообщается, что зам. председателя ЦИК РФ Леонид Ивлев заявил, что наблюдатели выборов из неправительственных организаций, зарегистрированных в качестве иностранных агентов должны ясно указывать свой статус¹. Из-за неясности определений «иностранный источник» и «политической деятельности» неясен статус НКО, которые ведут и политическую, и неполитическую деятельность.

Санкции за несоблюдение режима весьма строги и высока вероятность произвола при их применении. Уполномоченный орган имеет право приостановить деятельность НКО, которую он сочтет иностранным агентом, если последняя не подаст заявления о регистрации. Риск произвольного запрета деятель-

ности усугубляется неоднозначностью определения «иностранный агент», что наверняка приведет к спорам между правительством и НКО о характере деятельности НКО. Правовые последствия приостановления деятельности неясны. Кроме того, закон устанавливает уголовную ответственность в связи с соблюдением данного режима с санкциями в виде штрафов или тюремного заключения.

Неблагоприятное воздействие закона не замедлило сказаться. Представители многих правозащитных НКО, работающих в России, заявляют, что откажутся регистрироваться в качестве иностранных агентов, а некоторые даже признают, что им в результате придется сократить объем деятельности и штат².

Недавнее ухудшение стандартов прав человека в России

Несколько международных организаций выразили озабоченность в связи с законом, а также происходящей в последнее время эрозией правозащитных стандартов в России в целом. Верховный Комиссар ООН по правам человека, Наванетхем Пиллэй, недавно призвала российское правительство «воздержаться от дальнейших шагов по направлению к более репрессивной эре, и предпринимать настойчивые усилия по ограничению негативного воздействия законов и поправок, уже принятых за последние несколько недель»³.

В аналогичном ключе в резолюции, принятой 13 сентября 2012 г., Европейский Парламент выразил свою «озабоченность в связи с ухудшающейся обстановкой для развития гражданского

общества в России, в частности в связи с принятой недавно серией законов, регулирующих порядок проведения демонстраций, деятельность НКО, ответственность за диффамацию и интернет, в которых содержатся неоднозначные положения, а при применении которых может быть допущен произвол»⁴. Европарламент призвал российские власти внести поправки в закон, чтобы «оградить объединения граждан, получающих финансовую поддержку из пользующихся хорошей репутацией иностранных фондов, от политического преследования»⁵.

Однако непохоже на то, что недавняя волна драконовских законов утихает. В октябре 2012 г. российский парламент одобрил поправки, подготовленные Федеральной службой безопасно-

сти и расширяющие определение «государственной измены». Оно теперь будет включать в себя оказание финансового, технического, консультативного или иного содействия иностранным державам или международным организациям, направленное на подрыв безопасности России. В перспективе это новое определение может использоваться для криминализации законных кампаний гражданского общества и политических дискуссий, что вновь приведет к тюремному заключению для лиц, осужденных за такие преступления.

Следующие шаги

Несмотря на неоднозначность и неопределенность, сложившиеся вокруг толкования и применения закона об иностранных агентах, это, без сомнения, по-

тенциально вредная мера, которая может задушить деятельность гражданского общества, с катастрофическими последствиями, например, для прав на свободу слова и объединения. Эти опасения уже проявляются на практике, поскольку многие правозащитные организации отказываются соблюдать закон и в результате вынуждены сократить масштаб своей деятельности. Также ожидается, что президент вскоре подпишет закон, содержащий расширенное определение измены. В свете недавнего ухудшения ситуации с правами человека в России в целом, эти меры заслуживают пристального внимания международных органов, занимающихся мониторингом прав человека, а также всего международного сообщества.

1 RIA Novosti, 2012. Election Official: Observers Must Reveal NGO Status, [online]. Текст опубликован по адресу: <http://en.rian.ru/russia/20120918/176040990.html> [последнее посещение – 10 октября 2012 г.].

2 RIA Novosti, 2012. HR groups blast 'foreign agents' bill, plan to refuse outside aid, [online]. Текст опубликован по адресу: <http://rt.com/>

politics/foreign-agents-rights-activists-120/ [последнее посещение – 10 октября 2012 г.].

3 Пресс-релиз Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 18 июля 2012 г. <http://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12366&LangID=E> [последнее посещение – 10 октября 2012 г.].

4 Европейский Парламент, Резолюция 2012/2789(RSP), принятая 13 сентября 2012 г., [online]. Текст опубликован по адресу: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2012-0352+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN> [последнее посещение – 10 октября 2012 г.].

5 Там же.

Реализация КПП и ст. 3 Европейской конвенции о правах человека в Армении: проблемы и достижения

Сирануш Саакян, президент, НПО «Защита прав без границ»

Армения стала полноправным членом Совета Европы в 2001 г. В соответствии с мнением № 221(2000) ПАСЕ, Армения взяла на себя широкий спектр обязательств, в том числе (в 2002 г.) ратификацию Европейской Конвенции о правах человека и Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижаю-

щего достоинство обращения или наказания.

В 1993 г. Армения присоединилась к Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП). В 2006 г. Армения ратифицировала Факультативный протокол к КПП. В 2008 г. в рамках Национального превентивного механизма по предупреждению пыток, в законном порядке был

назначен Защитник прав человека.

После ратификации этих документов были приняты меры по исполнению международных обязательств, в том числе реформы исправительной системы. Контроль за пенитенциарной системой был передан из ведения милицией в распоряжение Министерства юстиции, что привело к значительному сокращению случаев

продолжение на с. 4

пытках и жестокого обращения. Также были приняты меры по перестройке и ремонту исправительных учреждений, а недавно было установлено сотрудничество между милицией и адвокатской палатой с целью гарантировать скорейшее вступление адвокатов защиты в ведение уголовных дел.

Несмотря на эти достижения, остаются серьезные проблемы, которые препятствуют полному и эффективному осуществлению соответствующих договоров в Армении, в частности в области соблюдения запрета на пытки.

Соблюдение определения пыток, содержащегося в Конвенции ООН

Уголовный кодекс не содержит специальной статьи о «пытках», в том смысле, в каком этот термин признан и определяется ст. 1(1) КПП¹. Ст. 119 УК, не давая надлежащего определения пытке, определяет ее как любое деяние, в результате которого лицу намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или душевное. Однако если данное деяние состоит в причинении угрожающих жизни телесных повреждений, оно подпадает под другие положения УК. Состав преступления пытки – такие элементы, как ее принудительное, карательное или дискриминационное назначение и официальная должность преступника, – не упомянуты вообще. Ст. 119 применяется в контексте отношений между двумя людьми без участия сотрудников государственных органов. В действительности же лица, виновные в этом преступлении, часто из-

бегают преследования или наказания в уголовном порядке благодаря амнистии или помилованию.

Ст. 342 (2) УК сформулирована более конкретно и предусматривает, что судья, прокурор, следователь или органы дознания, применяющие пытки или иное насилие с целью принудить свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего к даче показаний, или принуждающие эксперта к даче ложного заключения, подлежат наказанию в виде лишения свободы сроком от трех до восьми лет. Эта статья вводит уголовную ответственность за пытку как принуждение к даче показаний или ложных свидетельских показаний, однако только в тех случаях, когда показания даются для судебного разбирательства, и не распространяется на применение пыток сотрудниками государственных органов в других ситуациях, например в исправительных учреждениях или вооруженных силах.

Адекватность превентивных мер (милиция, пенитенциарная система и армия)

Получив заявление о преступлении, органы милиции могут провести предварительное расследование до официального возбуждения уголовного дела. В таких ситуациях люди могут вызываться в милицию без присвоения им какого-либо формального статуса (например, подозреваемого, ответчика или свидетеля). На этой стадии у них отсутствует право уведомить родственника или на доступ к адвокату или врачу. Эти права появляются только после со-

ставления протокола о задержании. Согласно ст. 131.1 (1) Уголовно-процессуального кодекса (УПК), протокол о задержании должен быть составлен в течение трех часов после доставки подозреваемого в следственные органы. Однако на практике этот период часто значительно превышает три часа. Очевидно, что этот «неофициальный» период допроса чреват злоупотреблениями и может использоваться с целью вынудить задержанного к признанию или для сбора доказательств до того, как задержанный будет официально объявлен подозреваемым по уголовному делу и проинформирован о своих правах.

Эффективность расследований по жалобам на пытки

Независимость и эффективность расследований по жалобам на пытки скомпрометирована, поскольку органы милиции сами ведут эти расследования. В 2007 г. была создана Специальная следственная служба для расследования дел, связанных со злоупотреблениями со стороны сотрудников государственных органов. Однако на практике эта служба подключается к расследованию только после официального возбуждения уголовного дела. До этого за проверку оснований для возбуждения уголовного дела отвечает милиция. Следовательно, расследованиями жалоб о пытках занимаются те же самые органы, к которым принадлежат лица, применяющие пытки. Неэффективность расследований по жалобам о жестоком обращении иллюстрируется в недавнем прецедентном деле

Virabyan (Вирабян) v Armenia (№ 40094/05) 02.10.12, в котором впервые была установлена ответственность Армении за пытки под стражей в милиции в соответствии со ст. 3 ЕКПЧ в ее материальном и процессуальном аспектах.

Исследование жалоб на пытки судами и оценка приемлемости «запятнанных» доказательств

Несмотря на то, что международное право и национальное законодательство возлагают на государственные власти непререкаемое обязательство по расследованию жалоб на пытки, это обязательство выполняется не всегда. На судьях также лежит обязательство оценки приемлемости доказательств. Законодательство Армении недвусмысленно запрещает использование доказательств, добытых с помощью пыток, принуждения или обмана, в результате нарушения прав подозреваемого или обвиняемого или же процессуальных нарушений². Однако на практике судьи чаще всего игнорируют или отказывают в ходатайствах защиты об исключении неприемлемых, по ее утверждениям, доказательств. Более того, судьи национальных судов часто более склонны опираться на показания, данные обвиняемыми и свидетелями на досудебной стадии, чем на устные показа-

ния в зале суда, особенно если они противоречат друг другу³.

Условия содержания и обращения с заключенными под стражей

Серьезной проблемой является переполненность исправительных учреждений, приводящая к бесчеловечным и унижительным условиям содержания. Суд постановил, что сильная переполненность и неудовлетворение базовых потребностей (например, постель и достаточное количество пищи) в течение десятидневного срока содержания под стражей представляют собой унижающее обращение, нарушающее ст. 3⁴. В деле *Harutyunyan (Арутюнян) v Armenia* (№ 36549/03) 28.06.07, Суд установил нарушение ст. 3 в связи с отсутствием адекватной медицинской помощи в учреждении содержания под стражей и унижительное и неоправданное использование металлической клетки во время рассмотрения кассационной жалобы. Переполненность является результатом недальновидной практики, такой как применение предварительного заключения в качестве меры пресечения, ограниченное использование альтернативных санкций, ограниченное применение досрочного освобождения и недостатки в системе условно-досрочного освобождения или досрочного освобождения по соображениям

гуманности. В частности, в силу наличия множества органов⁵, обладающих полномочиями по вынесению решений, и отсутствия ясных и доступных процедур, процесс принятия решений по делам заключенных подвержен неоправданным задержкам, и решения об освобождении заключенных часто выносятся безосновательно.

Пытки, особенно в ходе допроса в милиции, таким образом, по-прежнему остаются в Армении серьезной проблемой. Действующее законодательство об уголовной ответственности за пытки не является адекватным. Неоказание своевременной правовой и медицинской помощи жертвам подрывает попытки предупреждения пыток. Вклад в общую атмосферу безнаказанности вносят серьезные недостатки в следственных методах и отсутствие независимого следственного органа. Чрезмерное использование мер, предполагающих лишение свободы, и дефекты системы досрочного освобождения на поруки или по гуманным соображениям вызывают переполненность исправительной системы, которая, в свою очередь, приводит к унижительным условиям содержания, нарушающим ст. 3. Кроме того, национальные суды недостаточно тщательно исследуют вопрос о приемлемости доказательств, добытых с помощью пыток.

1 «Любое деяние, с помощью которого лицу намеренно причиняется сильная физическая или душевная боль или страдания с целью получения от него или третьего лица информации или признания, наказания его за совершенные им или третьим лицом действия или же действия, в совершении которых подозревается он или третье лицо, или запугивания или принуждения его самого или третьего лица или по любой причине, основанной на дискриминации любого рода,

если такая боль или страдание причиняется сотрудником государственных органов или иным лицом, действующим в официальном качестве, либо по их наущению или с их согласия или поощрения. К вышеуказанному не относится боль или страдания, вызванные только законными санкциями или подразумеваемые или связанные с такими санкциями».

2 Ст. 11 (7) КПП, ст. 4 (3) КПП.

3 Доклад судебного мониторинга по военным преступлениям, НПО «Защита прав без границ», 2012 г.

4 *Mkhitarian (Мхитарян) v Armenia* (№ 22390/05); *Tadevosyan (Тадевосян) v Armenia* (№ 41698/04); *Kirakosyan (Киракосян) v Armenia* (№ 31237/03), все 02.12.08.

5 Административная комиссия, Независимая комиссия, суд.

Проблемы доказывания в Европейском Суде дел по ст. 18

Дмитро Котляр, юрист, Украина

Ст. 18 Европейской Конвенции о правах человека (ЕКПЧ) не относится к числу положений, на которые часто ссылаются заявители. Нарушения этой статьи были установлены Европейским Судом по правам человека лишь в небольшом числе дел. Ст. 18 предусматривает, что «[о]граничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены». Отсюда следует, что, как и ст. 14, это положение не имеет самостоятельного характера и может применяться только в сочетании с другой статьей Конвенции, допускающей ограничения определенных прав и свобод¹. Цель ст. 18 – предупредить злоупотребление властью правовыми инструментами допускающими ограничения прав человека.

ЕСПЧ установил очень высокий доказательственный барьер для установления нарушения ст. 18. Суд исходит из посылки, что в целом органы государственной власти действуют добросовестно, и это обязанность заявителя – опровергнуть эту презумпцию, «убедительно [продемонстрировав], что подлинная цель властей отличалась от декларируемой (или насколько возможно разумно сделать вывод об этом, исходя из контекста)»². Даже если заявитель приводит доказательства prima facie наличия ненадлежащих мотивов, бремя доказывания не переходит к правительству, а остается на заявителе³.

В деле *Gusinskiy (Гусинский) v Russia* (№ 70276/01) 19.05.04 ЕСПЧ смог установить нарушение ст. 18 потому, что правительство подписало с заявителем соглашение,

в котором прекращение уголовного дела против него ставилось в зависимость от продажи заявителем своей медиакомпания Газпрому. Располагая таким прямым доказательством, ЕСПЧ заключил, что целью уголовного преследования заявителя было его запугать, и ограничение его свободы, допустимое в соответствии со ст. 5 (1)(с), было применено не только для того, чтобы он предстал перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении преступления, но и по другим причинам⁴. Один из редких примеров дела, где выводы были сделаны исходя из контекста в отсутствие непосредственных доказательств, – дело *Cebotari (Чеботарь) v Moldova* (№ 35615/06) 13.11.07. В этом деле, основываясь на своем выводе об отсутствии обоснованных подозрений в совершении преступления заявителем, которые могли бы оправдать его арест и содержание под стражей, и анализируя процесс возбуждения уголовного дела против заявителя, ЕСПЧ заключил, что реальной целью уголовного разбирательства и ареста заявителя было оказание на него давления, чтобы воспрепятствовать его компании в отстаивании своей жалобы по другому делу, направленному в ЕСПЧ⁵.

В противоположность этому, в деле *Khodorkovskiy (Ходорковский) v Russia* (№ 5829/04) 28.11.11, факты, относящиеся к уголовному делу против заявителя, резолюции политических организаций, заявления НПО и различных общественных деятелей, и даже решения нескольких европейских судов не были сочтены ЕСПЧ достаточными для вывода о нарушении ст. 18 в сочетании со ст. 5. ЕСПЧ признал, что дело заявителя может вызвать определенные по-

дозрения относительно реальных намерений властей – подозрения, которые могут послужить для национальных судов достаточным основанием для отказа в экстрадиции, отказа в оказании юридической помощи, назначения обеспечительных мер в отношении России, присуждения компенсации ущерба и т. д. Однако всего этого не было достаточно для ЕСПЧ, чтобы «сделать вывод, что весь правовой механизм государства-ответчика в настоящем деле был с самого начала использован с ненадлежащими целями, что с самого начала и до конца власти действовали недобросовестно и с явным игнорированием норм Конвенции. Это очень серьезное обвинение, которое требует неопровержимых и прямых доказательств»⁶. Аналогичным образом в деле *ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos (ОАО Нефтяная компания «Юкос») v Russia* (№ 14902/04) 08.03.12, ЕСПЧ не нашел указание на какие-либо проблемы или дефекты разбирательства в отношении компании-заявителя, позволяющего ему сделать вывод о наличии нарушения ст. 18 в связи с утверждениями компании-заявителя о том, что государство использовало разбирательство с целью разрушения компании и овладения ее активами⁷. Аналогичного вывода можно ожидать и в деле *Lebedev (Лебедев) v Russia* (№ 13772/05) dec. 27.5.10 (№ 2), в котором ЕСПЧ согласился исследовать жалобу на нарушение ст. 18 по существу⁸.

В этой связи заслуживает внимание недавнее решение ЕСПЧ в деле *Lutsenko (Луценко) v Ukraine* (№ 6492/11) 3.7.2012. В этом деле ЕСПЧ установил нарушение ст. 18 в сочетании со ст. 5. Заявитель – бывший министр и один из лидеров оппозиции – жаловался на то,

что его уголовное преследование и арест были использованы властями для того, чтобы исключить его из политической жизни и отстранить от участия в предстоящих парламентских выборах. Однако ЕСПЧ не сделал вывода относительно утверждений о политической подоплеке уголовного преследования в целом, но установил, что в этом конкретном деле арест и содержание заявителя под стражей обладали отличительными признаками, позволяющими Суду рассмотреть их отдельно. В частности, было отмечено, что ордер на взятие заявителя под стражу был выдан после завершения следствия по его делу. При установлении нарушения ЕСПЧ в частности опирался на то, что органы прокуратуры прямо указали на общение заявителя со СМИ как одно из оснований для ареста, обвинив его в искажении общественного мнения относительно совершенных им преступлений. По мнению ЕСПЧ,

такое обоснование органов прокуратуры ясно продемонстрировало их попытку наказать заявителя за публичное выражение несогласия с обвинениями против него и за то, что он настаивал на своей невинности, на что он имел полное право⁹. Кроме того, в этом деле ЕСПЧ признал важность выводов, которые можно сделать на основании общего фактического контекста дела при установлении нарушения ст. 18. В частности, Суд отметил, что вскоре после смены власти заявитель, который был лидером популярной политической партии и бывшим министром, был обвинен в злоупотреблении должностными полномочиями и привлечен к уголовной ответственности, и, согласно внешним обозревателям, это произошло в контексте политически мотивированного преследования лидеров оппозиции¹⁰.

На рассмотрении ЕСПЧ находятся еще несколько дел, в

которых суд, возможно, снова обратится к этому вопросу. В резонансном деле *Tymoshenko (Тимошенко) v Ukraine* (№ 49872/11), заявительница – бывший премьер-министр и лидер оппозиционной партии, в настоящее время отбывающая срок заключения за злоупотребление должностными полномочиями, утверждает, что уголовное преследование против нее политически мотивировано. В деле *Navalny and Yashin (Навальный и Яшин) v Russia* (№ 76204/11), заявители утверждают, что их свобода была ограничена с целью нарушить их право на свободу собраний и выражения мнения. Пока невозможно предугадать, будет ли ЕСПЧ по-прежнему опираться в основном на прямые доказательства при рассмотрении нарушений ст. 18 или позволит себе разумные косвенные выводы, исходя из контекста, как в деле *Cebotari v Moldova*.

1 *Kamma (Камма) v the Netherlands* (№ 4771/71), 14.7.74, с. 9.

2 *Khodorkovskiy (Ходорковский) v Russia* (№ 5829/04), 31.5.11, п. 255.

3 *Khodorkovskiy v Russia*, там же, п. 256

4 *Gusinskiy (Гусинский) v Russia* (№ 70276/01), 19.5.04, пп. 75-77.

5 *Cebotari (Чеботарь) v Moldova* (№ 35615/06), 13.11.07, пп. 51-53.

6 *Khodorkovskiy v Russia*, там же, п. 260.

7 *ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos (ОАО Нефтяная компания «Юкос») v Russia* (№ 14902/04), 20.9.2011, пп. 665-666.

8 *Lebedev (Лебедев) v Russia* (№ 2 (№

13772/05), решение о приемлемости 27.5.2010, пп. 310-314.

9 *Lutsenko (Луценко) v Ukraine* (№ 6492/11), 3.7.2012, пп. 108-109.

10 Там же, п. 104.

Бег по кругу – рекриминализация диффамации в России

Галина Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ (Воронеж)

Российское законодательство в области диффамации за последние полгода было реформировано дважды. К сожалению, то, что получилось в результате реформ, нельзя назвать прогрессом. В декабре 2011 г. парламентарии сделали долгожданный шаг и декриминализировали диффамацию (а конкретнее, отменили уголовную ответственность за клевету и оскорбление)¹.

Ее заменили на более мягкую, административную, а в Кодекс об административных правонарушениях РФ были внесены соответствующие поправки². Правозащитные организации долго и упорно добивались декриминализации диффамации. Международные и межправительственные организации отметили в своих публичных заявлениях удовлетворенность реформами и важный шаг в сторону уважения свободы слова в России³. Однако вскоре маятник качнулся в обратную сторону.

13 июня 2012 г. новый состав Государственной Думы РФ возвратил «клевету» в Уголовный кодекс⁴. Вместе с этим вернулся и специальный состав клеветы в отношении судей, прокуроров, следователей, судебных приставов⁵. В обновленном виде клеветы, по мнению большинства аналитиков, будет использоваться против журналистов и гражданских активистов. Хотя сторонники возврата этой нормы в Уголовный кодекс утверждают, что

продолжение на с. 8

статья стала менее жесткой, так как из нее исключили санкцию в виде лишения свободы (что, безусловно, хорошо, хотя этот вид наказания в последние годы применялся крайне редко), с этим трудно согласиться. Финансовые санкции за нарушения серьезно возросли - со 180 тыс. рублей до астрономических 5 млн рублей⁶, что наверняка приведет к жесткой самоцензуре.

Представляется, что эта реформа была политически мотивирована. Поправки парламентариями практически не обсуждались и были приняты буквально за неделю с момента первого обсуждения чтения до подписания закона Президентом⁷. Они стали частью мер (рассматриваемых ниже) по ужесточению контроля за гражданским обществом и свободой выражения мнения, принятых в результате протестов, вспыхнувших после парламентских выборов в декабре 2011 г., и в ответ на серьезную общественную дискуссию по поводу фальсификации результатов выборов. Была ужесточена ответственность за нарушение порядка проведения митингов и демонстраций и усилен контроль над Интернетом⁸. Были введены драконовские требования в Закон о некоммерческих организациях, устанавливающие статус «иностранцев агентов» для НКО, имеющих иностранное финансирование и занимающихся политической деятельностью⁹. Каким именно будет воздействие этих законов, однако, зависит от их применения государственными органами.

Подавляющая часть претензий в области диффамации в России лежит в сфере гражданских споров по искам о защите чести и достоинства, каковых ежегодно насчитывается свыше четырех

тысяч. Однако в 2009-2011 годы число уголовных дел о клевете начало расти, и за это время по ст. 129 УК РФ (старая статья о «клевете») было осуждено около 800 человек¹⁰. Большинство из осужденных – региональные журналисты и блогеры. Основными инициаторами уголовного преследования становились чиновники и представители власти.

Новая статья о клевете содержит более широкий спектр мер для обуздания критики и общественного мнения, чем ее предшественница, и сформулирована весьма двусмысленно. Например, ст. 128.1 (4) гласит: «Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера, – наказывается штрафом в размере до 3 миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо обязательными работами на срок до 400 часов». Уже звучит беспокойство относительно того, что такая неопределенная формулировка была включена в статью не иначе, как с целью устрашения тех, кто высказывает критику в адрес власти и выражает сомнения в психическом здоровье принимающих те или иные спорные решения. Кроме того, мера наказания явно несоизмерима степени тяжести нарушения.

Состав преступления «оскорбление» не вернулся в Уголовный кодекс. Вероятно, потому, что наибольшую опасность для властей представляют не исключительно оценочные характеристики, а любая информация о фактах злоупотребления властью, коррупции, незаконном обогащении чинов-

ников, и т.д., что существенно легче рассматривать через призму «клеветы». Но и статья об административной ответственности за клевету¹¹ которая теперь отменена с возвратом клеветы в УК РФ¹², успела отличиться. Очень скоро стало понятно, что декриминализация является весьма формальной. КоАП устанавливал более высокие штрафы даже по сравнению с прошлой формулировкой «клеветы» в Уголовном кодексе¹³. Также это положение содержало совершенно экзотическую ответственность за «*непринятие мер к недопущению клеветы в публично демонстрирующемся производстве или средствах массовой информации*»¹⁴. Это положение, видимо, было сформулировано специально для главных редакторов, поскольку в соответствии со ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» именно главный редактор «возглавляет редакцию (независимо от наименования должности) и принимает окончательные решения в отношении производства и выпуска средства массовой информации»¹⁵. Эта норма имела и будет иметь серьезный сдерживающий эффект, фактически провоцируя главных редакторов на самоцензуру. В такой ситуации достаточно только опасения, что конфликт может быть, чтобы главный редактор включил тормоз и не разрешил публикацию спорного материала.

Первым примером репрессивного применения этой нормы является дело в отношении Милрада Фатуллаева, главного редактора газеты «Настоящее время», выходящей в Махачкале (Дагестан). Он был привлечен к административной ответственности в связи с тем, что в его газете была опубликована статья «Кавказ ли-

дирует», задевшая, по мнению суда, честь и достоинство Президента Республики Дагестан Магомедсалама Магомедова. Интересы Президента Дагестана представлял руководитель юридической службы администрации Президента, в деле принимал участие прокурор, хотя, в общем-то, не был обязан, дело было рассмотрено стремительно – всего за два месяца вместе с обжалованием. Главный редактор был признан виновным 28 апреля 2012 г. и с него был взыскан штраф. Штраф был небольшой (10 тыс. рублей), однако дело показывает, насколько административная ответственность за клевету ослабляет свободу совести, несмотря на ее декриминализацию.

При рассмотрении данного дела суд опустил важный этап установления фактов: а была ли в статье «клевета». Сразу стал рассматриваться вопрос о «непринятии мер к недопущению» публикации клеветы в СМИ. То, что статья была клеветнической, было воспринято судом со слов представителя Президента Дагестана как бы на веру. Автор публикации, бывший главный редактор другой известной дагестанской газеты «Черновик» Надира Исаева, (журналист, очень авторитетный в регионе), не допрашивалась. Состав правонарушения «клевета» в тексте не устанавли-

вался, не проверялись факты на соответствие действительности – все эти важные вопросы суд прошел по касательной. Постановление было обжаловано Милрадом Фатуллаевым вплоть до Верховного Суда РФ, но совершенно безрезультатно. Теперь им готовится жалоба в Европейский суд на нарушение ст. 10 Европейской Конвенции.

Данное дело показывает, что такая норма закона может применяться в качестве репрессивной, для подавления свободы слова, даже после, на первый взгляд таких обнадеживающих реформ как декриминализация клеветы. Несмотря на отмену этого административного положения, обсуждение таких дел актуально, поскольку точно такая же норма о «непринятии мер к недопущению публикации в СМИ» осталась в аналогичной статье, устанавливающей административную ответственность за «оскорбление»¹⁶. Весьма высок риск, что отработанный в Дагестане формат применения этой части статьи по отношению к главному редактору может и дальше применяться в других регионах.

Статья о клевете, вернувшись в Уголовный Кодекс, представляет собой для российской прессы и журналистов серьезный финансовый риск, вплоть до банкротства. Штраф в размере до

5 миллионов рублей не сможет осилить ни один журналист, ни одна региональная редакция, блогер или гражданский активист. А к журналистам глянцевого журналов вряд ли эта норма будет применяться – уж слишком политизирован ее контекст.

1 Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации»

2 См. ст. 5.60 (в старой редакции) и 5.61.

3 ОБСЕ приветствует российскую реформу по декриминализации: <http://www.osce.org/fom/85154>

4 Ст. 128.1 УК РФ.

5 Ст. 298 УК РФ.

6 Ст. 128.1 УК РФ.

7 <http://www.rg.ru/2012/07/30/kleveta-anons.html>

8 http://ria.ru/law_meeting/20120608/668743782.html

9 http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/07/120706_ngo_law_duma_hearings.shtml

10 <http://www.change.org/ru/петиции/государственная-дума-отклонение-законопроекта-о-введении-в-ук-статьи-клевета>

11 Бывшая ст. 5.60 КоАП.

12 Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации».

13 Бывшая ст. 5.60 КоАП.

14 Ст. 5.60(4) КоАП.

15 Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г.

16 Ст. 5.61 КоАП.

Что ожидает Грузию в Европейском Суде? Анализ недавно коммуницированных дел

Кирилл Коротеев, старший юрист, ЕНРАС-ПЦ «Мемориал»

Несмотря на годы реформирования правоохранительной системы, Грузия по-прежнему испытывает серьезные проблемы с обеспечением соответствия своей системы уголовного

правосудия требованиям Европейской Конвенции о правах человека (ЕКПЧ). В частности, она страдает от низкого процента оправдательных приговоров, который составляет менее 1% спорных уголовных дел (за исключением тех, где была со-

вершена сделка о признании вины). С учетом этой неутешительной статистики предложение о признании вины взамен на смягчение наказания становится очень трудно отклонить, поскольку, если обвиняемый за-

продолжение на с. 10

являет о своей невиновности, ему предстоит полный судебный процесс, который практически в каждом случае приводит к вынесению обвинительного приговора. Хотя сами по себе эти данные не поднимают вопросов о соответствии ЕКПЧ, эта ситуация влияет на функционирование системы уголовного правосудия в целом. Среди наиболее сложных вопросов – справедливость разбирательства и судебная аргументация. Анализ коммуницированных за последнее время дел в отношении Грузии¹ позволяет выявить основные проблемные сферы для страны, которые можно (и должно) разрешить еще до вынесения ЕСПЧ решений по этим делам.

Проблема неадекватной аргументации возникает в тех случаях, когда обвиняемые в ходе судебного разбирательства заявляют о применении к ним пыток или провокации со стороны полиции. Самая серьезная проблема состоит в том, что судьи либо не рассматривают жалоб на пытки в ходе предварительного следствия², либо не делают этого должным образом. Таким образом, оставляя без рассмотрения жалобы обвиняемых, судьи опираются на показания полиции, однако не объясняют, почему последним отдается предпочтение перед первыми³.

Политика грузинского правительства по борьбе с наркоманией и организованной преступностью также вызывает проблемы для Страсбурга. В делах, связанных с оборотом наркотиков, предполагаемое отсутствие процессуальных гарантий для лиц, подвергаемых обыску, поднимает вопрос о соответствии ст. 6 ЕКПЧ⁴. В одном из дел суды первой и апелляционной

инстанции предположительно не объяснили, почему они сочли бупренорфин, вещество, используемое для оказания помощи при хронических болях и классифицированное как психотропное вещество в соответствии с Конвенцией 1971 г. о психотропных веществах, незаконным наркотическим веществом и соответственно признали обвиняемого виновным⁵. Что касается организованной преступности, в Уголовный кодекс были внесены специальные статьи, предусматривающие наказание за «принадлежность к преступному миру» и за «руководство мафиозной организацией» (ст. 223-1). Однако отсутствие какого-либо осмысленного определения состава этих новых преступлений неизбежно поднимает вопросы о соответствии норм ст. 7 ЕКПЧ⁶. В целом даже аргументация Верховного Суда в конкретных делах, по утверждениям заявителей, носит обобщенный характер и не удовлетворяет требованиям ст. 6 ЕКПЧ⁷.

Другой особенной проблемой правовой системы Грузии является назначение крайне долгих сроков административного задержания за мелкие («административные») нарушения, вплоть до 90 дней лишения свободы. Такие правонарушения явно подпадают под определение «уголовного обвинения» в соответствии со ст. 6 ЕКПЧ – как и любое преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Рассмотрение этих преступлений в суде также вызывает обоснованные заявления о несправедливости⁸.

Однако наиболее важной проблемой по количеству дел является проблема оказания медицинской помощи заключенным.

Число и повторяющийся характер этих дел подчеркивает значимость этого вопроса, а также тот факт, что решение по делу *Poghosyan (Погосян) v Georgia* (№ 9870/07) 24.02.2009 до сих пор не исполнено в полной мере. В этом деле Суд указал, что правительству следует принять меры общего характера, направленные на предупреждение заражений вирусным гепатитом С в тюрьмах, создать систему раннего диагностирования и гарантировать своевременную и эффективную медицинскую помощь заразившимся⁹.

После решения по делу *Poghosyan v Georgia*, было коммуницировано несколько дел (а по некоторым из них – вынесены решения), связанных с отсутствием в тюрьмах медицинской помощи больным гепатитом С¹⁰, СПИДом¹¹, туберкулезом¹², психическими заболеваниями¹³ и повышенным артериальным давлением¹⁴. Упорное нежелание судебных органов Грузии что-либо делать по поводу этих нарушений ст. 3 ЕКПЧ очевидно в недавнем деле *Baliashvili (Балиашвили) v Georgia* (№ 27842/11). Заявитель по этому делу страдал от почечной недостаточности, однако суд отказал в его освобождении до суда, поскольку его состояние здоровья было «не настолько тяжелым, чтобы требовать освобождения». Эти дела явно вызывают сомнения в уместности и эффективности мер, принятых правительством Грузии, и подчеркивают важность полного исполнения решения по делу *Poghosyan (Погосян) v Georgia*¹⁵.

С учетом того, что в делах о медицинской помощи¹⁶ и других¹⁷ нередко заключаются мировые соглашения, не каждое

дело доходит до стадии вынесения решения по существу. Однако достижение мировых соглашений в некоторых де-

лах не мешает подаче в суд аналогичных дел – этого можно достичь только посредством тщательного реформирования

системы уголовного правосудия для обеспечения справедливого и состязательного характера судебного разбирательства.

1 Дела, коммуницированные до определенной даты (конец 2011 г.), были удалены с сайта Суда после редизайна базы данных HUDOC. В результате представить всю необходимую информацию об этих делах не представляется возможным.

2 *Tchanturia (Чантурия) v Georgia* (№ 2225/08) (на момент написания отсутствует в базе HUDOC).

3 См. дело *Tabagari (Табагари) v Georgia* (№ 60870/11), коммуницировано 26.01.12; *Kobakhidze and Ninua (Кобахидзе и Нинуа) v Georgia* (№ 14929/09) (на момент написания отсутствует в базе HUDOC).

4 *Tchanturia (Чантурия) v Georgia, там же; Saria (Сария) v Georgia* (№ 44987/07), коммуницировано 19.01.12.

5 *Tsvitsvadze (Цвцивадзе) v Georgia* (№ 49098/10) (на момент написания отсутствует в базе HUDOC).

6 *Ashlarba (Ашларба) v Georgia* (№ 45554/08), коммуницировано 03.01.12.

7 *Oboladze and Lobzhanidze (Оболадзе и Лобжанидзе) v Georgia* (№. 31197/06), коммуницировано 10.04.12. В этом деле заявители жалуются на то, что беспристрастность судьи первой инстанции была нарушена в связи с тем, что он удалился в совещательную комнату вместе с прокурором.

8 *Tuskia (Туския) v Georgia* (№ 14237/07) (на момент написания отсутствует в базе HUDOC).

9 *Poghosyan (Погосян) v Georgia* (№ 9870/07) 24.02.2009, п. 70.

10 См. *Kakoulia and Bouliskeria (Какулия и Булискерия) v Georgia* (No. 3486/06), коммуницировано 24.05.12.

11 В двух делах было достигнуто мировое соглашение, однако условия соглашения между сторонами не содержат каких-либо мер общего характера: *Archaia (Арчая) v Georgia*

(№ 6643/10), (dec) 14.12.2010; *Kotchlamazashvili (Кочламазашвили) v Georgia*, (№ 42270/10) (dec) 03.04.2012.

12 *Kikalishvili (Кикалишвили) v Georgia* (№ 51772/08), коммуницировано 24.05.12.

13 *Bakradze (Бакрадзе) v Georgia* (№ 3568/10), коммуницировано 03.01.12.

14 *Tchanturia (Чантурия) v Georgia* (№ 50817/06), коммуницировано 21.05.12.

15 См. План действий властей Грузии, документ Совета Европы № ДН-ДД(2010)74F, 12.02.2010.

16 См. *Kobakhidze and Ninua (Кобахидзе и Нинуа) v Georgia* (№ 14929/09) (dec) 11.10.2011.

17 *Tchanturia (Чантурия) v Georgia* (№ 2225/08) (dec) 18.10.2011. В этом деле и в вышеупомянутом деле *Кобахидзе и Нинуа* правительство обязалось досрочно освободить заявителей.

Новости о правах человека

Брайтонская декларация

Брайтонская декларация была принята 20 апреля 2012 г. на Брайтонской конференции – встрече 47 государств-участников Совета Европы. В ней содержатся предложения по реформированию Европейского Суда по правам человека. Конференция была проведена по инициативе Великобритании, которая с ноября 2011 г. по май 2012 г. председательствовала в Комитете министров Совета Европы.

В преамбуле Декларации отмечается «глубокая озабоченность» постоянно растущим скоплением в Суде нерассмотренных дел. В связи с этим ее содержание сосредоточено на следующих вопросах: реализация Конвенции на уровне государств; взаимодействие между Судом и национальными властями; жалобы в Суд; работа с жалобами; судьи и правоприменительная практика; исполнение решений; и долгосрочное будущее системы Конвенции и Суда.

Применительно к реализации Конвенции на национальном уровне в Декларации подчеркивается важность введения превентивных и исправительных мер в отношении нарушений прав человека. С этой целью в Декларации содержится несколько рекомендаций, в том числе о наделении национальных судов полномочиями принимать во внимание соответствующие принципы Конвенции с учетом правоприменительной практики Суда, а также обучение и предоставление информации о Конвенции сотрудникам правоохранительных органов.

Принцип subsidiarity и концепция свободы усмотрения были источником серьезных споров в преддверии конференции. В СМИ утверждалось, что Великобритания предложит радикальные изменения в системе в попытке «отнять» у Суда часть имеющихся полномочий. Однако исход конференции оказался

менее радикальным, чем ожидалось. Что касается взаимоотношений Суда и национальных властей, Конференция, в том числе постановила, что «по соображениям прозрачности и доступности» в преамбулу Конвенции должны быть включены упоминания о принципах subsidiarity и свободы усмотрения. Кроме того, будет введен новый факультативный протокол (текст которого будет подготовлен к концу 2013 г.), который наделит Суд полномочиями выносить консультативные заключения по запросу государственных сторон.

В Декларации предлагается внесение определенных изменений в процесс подачи жалоб, в том числе сокращение срока для подачи с шести до четырех месяцев. Декларация также содержит несколько предложений, ужесточающих критерии приемлемости жалоб. В ст. 35(3)(b) будут внесены изменения, согласно которым жалобы могут быть признаны

неприемлемыми, если заявитель не понес существенного ущерба, даже если дело не было в надлежащем порядке рассмотрено национальным судебным органом. Кроме того, понятие «явно необоснованной» жалобы будет включать в себя жалобу, которая была надлежащим образом рассмотрена национальным судом, применившим права, гарантированные Конвенцией, в свете закрепившегося прецедентного права Суда, за исключением случаев, когда, по мнению Суда, дело касается серьезного вопроса, оказывающего влияние на интерпретацию или применение Конвенции.

Один из вопросов, вызывающих озабоченность, – это недостаточная прозрачность процесса отбора кандидатов в судьи Европейского Суда на национальном уровне. В связи с этим Декларация приветствует принятие Комитетом министров руководящих указаний по этому вопросу и призывает государства-участники применять эти указания.

В связи с рассмотрением жалоб в Декларации отмечается возможная потребность в дополнительных судьях, возможность подачи жалобы онлайн, а также расширение применения процедуры пилотного решения. Также будет изменена формулировка возрастного порога для судей; теперь, вместо того, чтобы требовать от судей ухода в отставку по достижении 70 лет, Декларация устанавливает, что им должно быть не более 65 лет на момент вступления в должность. Декларация также призывает Комитет министров достичь предварительного представления о долгосрочном будущем системы Конвенции к 2015 г.

В октябре 2012 г. EHRAC и не-

сколько других НПО представили совместные замечания на проекты Протоколов 15 и 16 к Конвенции, в которых содержатся некоторые из изменений, изложенных в Декларации.

Совет Европы - Годовой отчет за 2011 г.

В апреле 2012 г. был опубликован отчет Совета Европы о «Надзоре за исполнением решений и постановлений Европейского Суда по правам человека» за 2011 г. В отчете указывается на несколько положительных тенденций, в том числе сокращение числа переданных на контроль повторяющихся дел, что, как отмечается в тексте, в основном связано с укреплением взаимодействия между Судом, Комитетом министров и национальными властями в рамках процедуры пилотных решений. Однако в отчете отмечается, что, несмотря на теоретические преимущества процедуры пилотных решений, Суд по-прежнему применяет ее с осторожностью. Что касается попыток Комитета министров классифицировать дела по степени срочности и повысить прозрачность процесса надзора, в отчете отмечается введение процедуры «усиленного надзора» – двойного механизма, позволяющего Комитету отдавать приоритет наиболее важным делам. Также отмечается, что гражданское общество может внести более значительный вклад в этот процесс, так как соответствующая информация стала более широкодоступной.

В отчете говорится, что основной трудностью, стоящей перед Комитетом министров, является растущее число дел, которые остаются на контроле Комитета более пяти лет. Отмечается, что, хотя эти дела в основном касаются важных структурных проблем,

для решения которых требуется время, тем не менее, пять лет – это слишком долгий срок. Кроме того, в тексте отмечается, что, поскольку многие из дел, находящихся на контроле, касаются ситуаций, уже давно рассмотренных в правоприменительной практике Суда, ограниченные ресурсы последнего в результате отвлекаются от фундаментальных проблем, связанных с «невещественными» правами (такими как право на жизнь и запрет пыток), или же с новыми проблемами, вызванными стремительным общественным развитием и технологическим прогрессом. В отношении выработки решений в отчете отмечается, что улучшение информирования внутри государств о важных решениях, требующих скорейшего исполнения, развитие контактов на высшем уровне, более систематическое представление передовой практики и расширение возможностей для государственных органов делиться опытом по трудным вопросам заслуживают более внимательного рассмотрения. Однако также отмечается рост в 2011 г. числа мероприятий по сотрудничеству, организованных Департаментом надзора за исполнением решений Суда. Также была отмечена важность Доверительного фонда прав человека в содействии национальному процессу исполнения решений, наряду с объявлением Великобританией в 2012 г. о внесении средств в фонд. В целом в отчете отмечается, что «значительные достижения» 2011 г. и обязательства государств о «движении вперед» позволят Комитету министров справиться с задачами, вставшими перед ним в 2012 г.

Судебные дела по правам человека

В разделе приводятся избранные решения по значимым недавним делам в области прав человека и по делам, в которых ЕНРАС и его партнеры представляют заявителей.

Дела ЕНРАС-«Мемориал»

Берладир и другие против России

(Berladir and others v Russia)

(№ 34202/06) 10.07.12

(ЕСПЧ: решение по существу)

Право на свободу собраний и объединения

Факты

Заявителями по этому делу выступили десять граждан России, которые намеревались провести марш и двухчасовой митинг в центре Москвы в знак протеста против антииммиграционного марша, состоявшегося ранее в тот же месяц. Городская администрация дала разрешение только на проведение митинга при условии переноса места на площадь Тверской заставы и ограничения продолжительности одним часом. Организаторы отзывали заявку на проведение мероприятия и уведомили районную управу о намерении провести пикет на Тверской площади (рядом с мэрией) в ответ на решение властей города. Районная управа наложила те же условия, что и городские власти, ссылаясь на соображения «безопасности участников» и необходимость избежать затруднений для передвижения пешеходов и автомобилей. Организаторы, не обжалуя это решение, провели свой пикет на Тверской площади, как было запланировано. Специальный отряд милиции арестовал некоторых участников, не дав им времени и возможности разойтись после получения словесного предупреждения.

Заявители были арестованы и впоследствии признаны виновными в нарушении порядка проведения общественных мероприятий, за что получили штрафы от 500 до 1000 рублей каждый.

Заявители утверждали, что были нарушены их права по ст. 10 (свобода выражения мнения) и ст. 11 (свобода собраний и объединения).

Решение

Суд не усмотрел нарушения ст. 11, читаемой в свете ст. 10 (пятью голосами против двух). Вмешательство в права заявителя было установлено законом, соразмерно и необходимо в целях предупреждения беспорядков или защиты прав и свобод других лиц. Что касается вопроса о соразмерности, то решения властей основывались на приемлемой оценке значимых фактов и содержали уместные и достаточные обоснования для вмешательства.

Комментарий

Суд признал, что у заявителей было недостаточно времени выразить свои взгляды в силу «довольно быстрого» разгона властями. Однако это не помешало ему вынести решение в пользу государства. Суд также не дал оценку решению властей ограничить продолжительность протестной акции. На это очевидное упущение было указано в совместном отклоняющемся мнении судей Ковлера (судья от России) и Вайич, которые пришли к выводу, что на наци-

ональном уровне не было дано надлежащих обоснований для изменения условий массового собрания, в том числе его продолжительности. Кроме того, они отметили, что в случаях, когда место проведения мероприятия имеет решающее значение для участников, смена места проведения может представлять собой вмешательство в их право на свободу собраний, как и было в данном случае. Кроме того, они сочли «ничем не подкрепленную ссылку на безопасность участников» неубедительной, особенно в силу того, что запланированное место проведения не использовалось по воскресеньям (день проведения пикета), а мирный пикет не предполагал никакого значительного движения или помех. Не согласившиеся с большинством судьи также указали, что не смогли установить, позволила ли бы альтернатива, предложенная властями, заявителям эффективно реализовать свое право на свободу собраний. На момент печати этого номера находится на рассмотрении запрос о передаче дела в Большую палату.

Котов против России
(Kotov v Russia)

(№ 54522/00), 03.04.12

(ЕСПЧ: Решение Большой палаты приемлемости и по существу)

Защита собственности

Факты

В августе 1994 г. коммерческий банк не смог выдать заявителю, гражданину России,

деньги, вложенные им в банк в тот год, в связи с отсутствием средств. Заявитель обратился с иском против банка, и ему было присуждено 17 983 рубля. Тем временем банк обанкротился и началась процедура его ликвидации.

Согласно закону, регулирующему порядок распределения активов, заявитель принадлежал к первому, приоритетному классу кредиторов. Однако после банкротства собрание кредиторов банка создало специальную группу «привилегированных» кредиторов в рамках первого класса, чьи претензии должны быть удовлетворены полностью и в первую очередь, раньше, чем требования других кредиторов, принадлежащих к тому же классу. В результате заявитель получил только 140 рублей. В 1998 г. заявитель обращался с жалобами в арбитражные суды, утверждая, что имеет право на получение остатка причитающейся ему суммы, и эти жалобы были удовлетворены. Однако решение не было исполнено в связи с отсутствием активов у банка. В 1999 г., до окончания процедуры ликвидации, заявитель начал арбитражное разбирательство, требуя возмещения из собственных средств ликвидатора. Однако его жалоба не была удовлетворена, в числе прочего, на основании риска двойного возмещения. В том же году процедура ликвидации была закончена в связи с отсутствием активов для распределения и банк был официально ликвидирован.

Заявитель обратился в Суд с жалобой на нарушение ст. 1 Протокола 1 (1 – П1).

Решение

Суд постановил, что обладает временной юрисдикцией рассматривать жалобы заявителя постольку, поскольку они касаются разбирательств 1998 и 1999 годов (16:1), однако не установил нарушения ст. 1 – П1 (12:5).

Во-первых, ликвидатор не мог считаться «агентом государства» в силу своей значительной «операционной и институциональной независимости». Во-вторых, государство исполнило свои позитивные обязательства по ст. 1-П1. Закон предоставил заявителю «отсроченное компенсационное возмещение», в рамках которого он мог, после завершения процедуры ликвидации, обратиться с иском о возмещении ущерба против ликвидатора в суд общей юрисдикции. Ему нужно было подождать всего восемь дней после отклонения его иска против ликвидатора арбитражными судами, после чего он мог прибегнуть к этому средству возмещения. В отсутствие каких-либо доводов насчет того, почему данный срок мог быть в этих обстоятельствах чрезмерным, это не повлияло на сущность прав заявителя по ст. 1 – П1, и оставалось в рамках свободы усмотрения государства.

Комментарий

Данным решением было отменено решение нижней палаты суда, вынесенное в пользу заявителя. То, что голоса судей Большой палаты разделились 12 против пяти, указывает на неоднозначность этого дела. Пятеро судей, не согласившихся с большинством, утверждали, что Россия не исполнила своих позитивных обязательств по ст. 1 –

П1. Несмотря на то, что теоретически заявитель мог обратиться в суды общей юрисдикции с иском против ликвидатора, неясность правовой ситуации лишила его каких-либо практических способов защиты своих прав.

Дамаев против России (*Damayev v Russia*)

(№ 36150/04) 29.05.2012

(ЕСПЧ: решение по существу)

Право на жизнь

Факты

Заявитель утверждал, что 8 апреля 2004 г. два российских военных самолета обстреляли село Ригахой (Чеченская республика), в результате чего его дом был разрушен, а жена и пятеро детей убиты. Правительство заявляло, что боевые действия велись против повстанцев, находившихся поблизости от села, а дом заявителя был разрушен в результате взрыва хранившегося в нем артиллерийского снаряда, а не от воздушной бомбардировки.

Заявитель жаловался на нарушения ст. 2 (право на жизнь), ст. 3 (бесчеловечное и унижающее обращение) ст. 8 (право на частную и семейную жизнь), ст. 13 (право на эффективное средство защиты) и ст. 1 Протокола 1 (право на уважение собственности).

Решение

Суд установил нарушение ст. 2 в отношении гибели жены и пятерых детей заявителя. В связи с вопросом ответственности государства Суд отклонил довод правительства о причине взрыва. Кроме того, Суд сделал определенные выводы на основании непредоставления государством ключевых до-

кументов и сведений. Ответственность за гибель семьи заявителя была, таким образом, вменена государству.

Суд не счел необходимым устанавливать оправданность применения смертоносной силы. Неспособность правительства как-либо обосновать использование смертоносной силы против гражданского населения сама по себе была достаточна для того, чтобы побудить Суд сделать вывод, что гибель людей была результатом несоразмерного применения смертоносных видов вооружений агентами государственных органов и тем самым – нарушением ст. 2.

Дополнительно Суд установил нарушение процессуального аспекта ст. 2. Неоправданно долгая задержка с началом расследования по делу – восемь дней после происшествия – и непроведение необходимых следственных действий внесли свой вклад в неэффективность следствия. Суд также счел, что заявителя не информировали в надлежащем порядке о ходе следствия (в том числе о его прекращении), и поэтому он не мог обжаловать действия властей в суд.

Однако Суд отклонил доводы заявителя по ст. 3 и не счел необходимым исследовать жалобу по ст. 13 в сочетании со ст. 2, а оставшуюся часть жалобы признал неприемлемой.

Заявителю было присуждено 300 тыс. евро в порядке компенсации. Однако Суд отказался распорядиться о проведении расследований по фактам гибели членов его семьи, заявив, что выбор средств для исполнения обязательств по

ст. 46 (обязательная сила и исполнение решений) находится в ведении государства.

Комментарий

Следует отметить, что Россия не ввела чрезвычайного положения и не заявила об отступлении от исполнения Конвенции согласно ст. 15, и поэтому Суд рассматривал это дело в рамках «нормального правопорядка». На момент печати этого номера находится на рассмотрении запрос о передаче дела в Большую палату.

Умаровы против России (Umarov v Russia)

Шафиева против России (Shafiyeva v Russia)

(№ 2546/08) 12.06.2012; (№ 49379/09) 03.05.2012

**(ЕСПЧ: решение по существу)
Право на жизнь**

Факты

Заявителями в деле *Umarov v Russia* были сестра и отец г-на Умарова, который был арестован вместе с еще двумя мужчинами в ходе обыска, проведенного в его квартире. Двоих других увезли на допрос и предъявили обвинения в незаконном хранении оружия, а г-на Умарова увезли отдельно на машине. Его местонахождение с тех пор неизвестно. Заявители утверждают, что власти ответственны за его смерть. Правительство утверждало, что г-н Умаров был членом радикального религиозного движения, а также, что не располагает достоверной информацией о его аресте. Правительство предположило, что, возможно, он скрывается.

Власти начали расследование по факту исчезновения г-на

Умарова через девять дней после обращения заявителей с жалобой на его исчезновение. Впоследствии расследование шесть раз приостанавливалось. Заявителей не информировали о ходе следствия.

В деле *Шафиевой* заявительница утверждала, что ее мужа похитили, когда он возвращался домой после того, как отвез детей в детский сад. По ее словам, его машине перегородили дорогу два автомобиля без номерных знаков, из которых вышли люди в масках и камуфляже, ударили его дубинкой по голове и увезли его в его собственной машине. Несколько местных жителей были свидетелями похищения, и одному из них удалось сфотографировать инцидент. Местонахождение г-на Шафиева также остается неизвестным. Правительство утверждало, что причастность государства к этому не доказана и, вероятнее всего, исчезновение было инсценировано.

Власти возбудили уголовное дело через два дня после обращения заявительницы с жалобой. Несколько раз следствие приостанавливалось, иногда заявительнице об этом не сообщали. Во время рассмотрения дела в Суде следствие все еще не было завершено.

Заявители в обоих делах жаловались на нарушения ст. 2 (право на жизнь), ст. 3 (запрет пыток, бесчеловечного или унижающего обращения), ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) и ст. 13 (право на эффективное средство защиты) в сочетании с вышеуказанными статьями.

Решения

В деле *Умаровых* Суд установил нарушение материального аспекта ст. 2. Доказательства позволили Суду установить с уверенностью, «превышающей разумные сомнения», что г-на Умарова следует считать погибшим после непризнанного задержания агентами государственных органов. Суд отметил, что, в случае задержания неустановленными сотрудниками милиции без какого-либо последующего признания факта задержания, и если после этого о человеке в течение нескольких лет нет вестей, такая ситуация может считаться угрожающей его жизни. Отсутствие г-на Умарова в течение четырех лет подтверждает это предположение. В отсутствие обоснований правительства, сделав выводы из его отказа представить документы, находящиеся в его исключительном распоряжении, Суд счел, что гибель Умарова следует вменить государству.

Суд также установил процессуальное нарушение ст. 2, поскольку власти не продемонстрировали тщательности и поспешности в рассмотрении столь серьезного дела. Кроме того, Суд установил, что имело место непризнанное содержание г-на Умарова под стражей в отсутствие гарантий, предусмотренных ст. 5, что составляет особенно серьезное нарушение его права на свободу и личную неприкосновенность.

В противоположность этому, в деле *Шафиевой* Суд не установил нарушения материального аспекта ст. 2. В отличие от дела *Умаровых*, в этом деле не было установлено с уверенностью, превышающей разумные

сомнения, что к исчезновению г-на Шафиева были причастны агенты государства. Также бремя доказывания невозможно было возложить целиком на правительство, особенно с учетом того, что оно предоставило Суду копии соответствующих материалов дела. Суд отметил, что исчезновение г-на Шафиева произошло не в Чечне, а в Дагестане, где не было ограничений на передвижение гражданского населения. В частности, утверждения заявительницы были основаны на заявлениях родственников, которые сами не были свидетелями похищения; было неясно, располагали ли они видеозаписью похищения, как утверждалось; были ли похитители в камуфляже или черных футболках, и были ли на их машинах регистрационные номера. Однако Суд установил процессуальное нарушение ст. 2. Власти не провели эффективного уголовного расследования обстоятельств исчезновения г-на Шафиева и своевременно не провели важнейших следственных действий, что привело к неоправданным задержкам.

Что касается остальных жалоб, то в деле *Умаровых* Суд установил нарушение ст. 3 в связи с душевными страданиями заявителей и нарушение ст. 13 в сочетании со ст. 2. Однако в отношении требований по ст. 13 в сочетании со ст. 3 и 5 отдельного вопроса не возникло. Заявителям было присуждено совместно 60 тыс. евро в порядке компенсации нематериального ущерба. В деле *Шафиевой*, несмотря на то, что ее жалоба по ст. 13 в сочетании со ст. 2 была признана приемлемой, Суд решил, что данный вопрос уже был рассмотрен в связи со ст. 2,

что устранило необходимость в его отдельном исследовании. Суд объявил оставшуюся часть жалобы неприемлемой. Заявительнице было присуждено 30 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Комментарий

Дело *Шафиевой* подчеркивает необходимость предоставлять Суду максимально возможное число прямых доказательств, поддерживающих заявления о похищениях людей представителями государства, в особенности в регионах, где нет ограничений на передвижение гражданского населения, и где Суд не установил наличия подобной практики.

Дела EHRAC-SSHRC

Юдина против России
(*Yudina v Russia*)
(№ 52327/08) 10.07.2012
(ЕСПЧ: решение по существу)
Запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания

Факты

Заявительница утверждала, что вечером 26 декабря 1998 г. в дом ворвались семеро сотрудников милиции, один из которых немедленно ударил ее по лицу. Затем тот же милиционер ударил ее еще раз, когда она потребовала предъявления ордера на обыск и присутствия понятых. Когда мужчины отказались уходить, она убежала из дома и начала звать на помощь. Однако они продолжали нападать на нее: пинали, тянули за волосы и затащили в машину, где на нее надели наручники. Она ударилась головой о машину и порвала губу.

В тот же день заявительница обратилась в больницу. Там она прошла несколько медицинских обследований, в ходе которых была зафиксирована травма от удара тупым предметом. Заявительница обратилась с официальной жалобой на действия милиции.

С 1999 по 2003 г. дело открывалось и приостанавливалось десять раз. На момент вынесения решения Европейского Суда следствие все еще не было закончено. Заявительница жаловалась на нарушения ст. 3 и 13 в связи с жестоким обращением со стороны сотрудников милиции, которому она подверглась, а также в связи с неэффективностью последующего уголовного расследования.

Решение

Суд установил процессуальное нарушение ст. 3 в связи с тем, что власти не провели эффективного расследования по жалобам заявительницы на жестокое обращение. Следствие было недостаточно тщательным и не соответствовало требованиям ст. 3. Его продолжительность не может быть оправдана одной лишь сложностью дела. Кроме того, неоднократная передача дела на доследование выявила серьезные недостатки в проведении следствия, в результате которых разбирательство непоправимо затянулось. Суд также установил нарушение материального аспекта ст. 3, поскольку количество и место травм заявительницы указывали на то, что побои были достаточно серьезными, чтобы их можно было признать бесчеловечным обращением. Возложив ответственность за

нанесение телесных повреждений на милицию, Суд счел, что применение силы против заявительницы было избыточным и неоправданным. Органы милиции планировали операцию заранее, располагали временем для оценки возможных рисков и для принятия необходимых мер для проведения операции. Кроме того, Суду было очевидно, что побои не способствовали проведению обыска, а нанесли в карательных целях как телесное наказание.

Заявительнице было присуждено 15 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Дела EHRAC-GYLA

Какабадзе против Грузии
(*Kakabadze v Georgia*)
(№ 1484/07), 02.10.2012
(ЕСПЧ: решение по существу)
**Право на свободу выражения
мнения и свободу собраний**

Факты

Заявителями по делу были пятеро правозащитников, проводивших у Тбилисского апелляционного суда протест в поддержку частной телевизионной компании, в отношении которой в тот день суд рассматривал дело. Они утверждали, что через три минуты после того, как первый заявитель начал выступать с речью, несколько судебных приставов без предупреждения или объяснения начали силой их удерживать. Затем их примерно на три часа заперли в помещении судебных приставов и заверили, что они не под арестом и скоро их отпустят. Однако в их деле впоследствии оказались протоколы ареста за неуважение к суду и нарушение общественного порядка. За-

явителей перевели в центр содержания под стражей, где они узнали, что председатель апелляционного суда приговорил их к 30-дневному заключению.

Заявители жаловались на нарушения ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое разбирательство), 10 (право на свободу выражения мнения), 11 (право на свободу собраний), 13 (право на эффективное средство защиты) и ст. 2 Протокола 7 (право на обжалование в уголовных делах).

Решение

Суд установил нарушение ст. 5 (1) в отношении как 30-дневного заключения, так и трехчасового задержания, на том основании, что они являлись «незаконным» лишением свободы по смыслу этого положения. Трехчасовое задержание не основывалось на достаточно ясных и предвидимых положениях национального законодательства, с учетом серьезного правового вопроса о том, имели ли судебные приставы право арестовывать заявителей за пределами здания суда. 30-дневные сроки заключения были наложены произвольно и при отсутствии надлежащей добросовестности со стороны национальных органов власти.

Суд установил нарушение ст. 6(1) в сочетании со ст. 6(3) (с). То, каким образом председатель суда провел слушания в отношении заявителей: в закрытом заседании, на основании записей приставов, не дав заявителям возможности быть выслушанными, – совершенно противоречит «самым элементарным процессуальным

требованиям справедливого разбирательства». Обеспокоенность Суда также вызвало то, что председатель Тбилисского апелляционного суда высказался о виновности заявителей в ходе пресс-конференции в связи с их арестом.

Суд установил нарушение ст. 11, рассмотренной в свете ст. 10. Рассматривая вопрос о том, было ли вмешательство в права предусмотрено законом, Суд выразил серьезные сомнения в том, что заявители могли предвидеть, что их действия были незаконными. В пикете участвовало всего пять человек, он был разогнан в считанные минуты после начала, и за это время они успели прокричать всего несколько лозунгов. Все это заставляет усомниться, действительно ли уровень помех был настолько высок, как утверждает правительство. Лозунги представляли собой критические ценностные суждения по вопросу, представляющему общественный интерес, - независимость суда, - и, по мнению Суда, не выражают неуважения к судебной власти. Единственный оскорбительный лозунг («Незаконный сын Лаврентия Бери») относился к министру внутренних дел, а не к членам судейского корпуса. Кроме того, Тбилисский апелляционный суд не обосновал ограничения права заявителей на проведение мирных собраний, и, следовательно, данное ограничение не имело достаточных и уместных оснований. В отсутствие насильственных действий со стороны заявителей наложенные наказания были в данных обстоятельствах несоразмерными.

Суд также установил нарушение

ст. 2 Протокола 7. Чрезвычайная процедура пересмотра, установленная в национальном законодательстве, применяется на усмотрение национальных властей в отсутствие ясно установленной процедуры или сроков и поэтому не является эффективным средством защиты. Заявителям было присуждено по 6 тыс. евро компенсации нематериального ущерба.

Другие дела ЕСПЧ

Виравян против Армении
(*Virabyan v Armenia*)
(№ 40094/05), 02.10.2012
(ЕСПЧ: решение по существу)
Запрет пыток

Факты

Заявитель был членом оппозиционной партии в ходе президентских выборов 2003 г. и участвовал в многочисленных протестах оппозиции. Он утверждал, что без сопротивления следовал за сотрудниками милиции в отделение после того, как они подошли к нему днем 23 апреля 2004 г. Однако в милицеевских протоколах было записано, что заявитель не подчинился законному распоряжению милиции и сквернословил. Заявитель утверждал, что в отделении милиции, сотрудники пинали ногами и избивали его до тех пор, пока он не потерял сознание. Впоследствии заявителя отвезли в больницу, где он перенес операцию в связи с нанесенными ему увечьями, в результате которых ему пришлось удалить левое яичко. В отношении заявителя было возбуждено уголовное дело, однако было прекращено на досудебной стадии прокурором, поскольку национальное законодатель-

ство позволяет прокурору прекращать разбирательство, если он полагает, что обвиняемый искупил свою вину, перенес страдание, связанное с преступлением.

Заявитель жаловался на нарушения ст. 3 (запрет пыток) и ст. 14 (запрет дискриминации) в сочетании со ст. 3. Заявитель также жаловался на нарушения ст. 5, 6, 10 и 11.

Решение

С учетом характера, тяжести и цели жестокого обращения Суд признал правительство виновным в нарушении материального аспекта запрета на пытки, содержащегося в ст. 3. Во-первых, объяснение государством увечий заявителя было сомнительным и неправдоподобным, тогда как заявитель представил последовательную и подробную картину событий, согласующихся с медицинскими документами. Таким образом, было установлено, что за нанесение увечий несет ответственность государство. Во-вторых, заявитель подвергся особенно жестокой форме обращения, которая наверняка причинила ему тяжкие физические и душевные страдания и имела долгосрочные последствия для его здоровья. Кроме того, Суд в большой степени склонился к выводам, что жестокое обращение было призвано либо наказать, либо запугать заявителя.

Суд также установил процессуальное нарушение ст. 3, указав, что следствие по жалобам заявителя было неэффективным, неадекватным и в основе своей порочным, и было неспособно привести к достоверным выводам относительно

обстоятельств дела. Кроме того, Суд установил нарушение ст. 14 в сочетании с процессуальным аспектом ст. 3, поскольку власти не выполнили долга по принятию всех возможных мер по расследованию возможной роли дискриминации в жестоким обращении с заявителем. Однако Суд не установил нарушения ст. 14 в сочетании со ст. 3, поскольку не было установлено превыше разумных сомнений, что в жестоким обращении с заявителем сыграли роль политические мотивы. Дополнительно Суд установил нарушение ст. 6 (2), поскольку причины прекращения уголовного дела против заявителя представляли собой нарушение презумпции невиновности. Суд объявил оставшуюся часть жалобы неприемлемой. Заявителю было присуждено 25 тыс. евро компенсации нематериального ущерба и 6 тыс. на покрытие расходов и издержек.

Комментарий

Это дело имеет огромное значение не только из-за позора, связанного с установлением факта пыток самого по себе, но и потому, что Суд впервые признал Армению виновной в нарушении ст. 3 в связи с тем, что заявитель подвергся пыткам.

X против Турции

(X v Turkey)

(№ 24626/09) 09.10.2012

(ЕСПЧ: решение по существу)

Запрет пыток

Факты

Заявитель, гражданин Турции гомосексуальной ориентации, содержался под стражей в 2008 г. Первоначально его поместили в одну камеру с гетеросексуальными заключенными,

однако, подвергшись запугиваниям и издевательствам с их стороны, он попросил, чтобы его перевели в камеру с заключенными-гомосексуалами. Он утверждал, что после этого его поместили в камеру размером 7 кв. м., грязную, плохо освещенную и кишевшую крысами. В камере не было умывальника, и обычно она использовалась для одиночного заключения в качестве дисциплинарной меры или для педофилов и насильников. Также заявитель утверждал, что был лишен контакта с другими заключенными и возможности физических упражнений на открытом воздухе. Выпускали его только для свиданий с адвокатом или для участия в слушаниях. После нескольких официальных жалоб в адрес руководства, заявителя перевели в психиатрическую больницу, где ему диагностировали депрессию и держали в течение месяца. После возвращения в тюрьму в его камеру подселили другого заключенного-гомосексуала. Оба заключенных обратились с жалобами на оскорбления на почве их сексуальной ориентацией, а также на нападения охранника, однако впоследствии, после того, как его одиночное заключение возобновилось, заявитель отозвал жалобу.

Заявитель жаловался на нарушение ст. 3 (запрет пыток) и ст. 14 (запрет дискриминации) в сочетании со ст. 3.

Решение

Суд постановил, что условия содержания заявителя под стражей причинили ему как душевные, так и физические страдания и представляли собой бесчеловечное и унижающее обращение

в нарушение ст. 3. Заявитель находился в одиночном заключении более восьми месяцев. Его встречи с адвокатом и посещения судебных слушаний происходили примерно раз в месяц. Некоторые аспекты условий содержания заявителя были строже, чем у заключенных, отбывающих пожизненное заключение в Турции. Кроме того, даже если бы меры безопасности были необходимы, они сами по себе не могли оправдать полного отсутствия доступа заявителя к помещениям тюрьмы, предназначенным для общего пользования. Это обращение усугублялось отсутствием эффективных средств защиты.

Суд также установил нарушение ст. 14 в сочетании со ст. 3. Основной причиной полного исключения заявителя из жизни тюрьмы была его гомосексуальность. Поэтому он подвергался дискриминации на основании своей сексуальной ориентации. Руководство тюрьмы не провело тщательной оценки риска безопасности заявителя, а просто предположило, что он подвергался риску серьезных телесных повреждений в связи со своей сексуальной ориентацией. Суд присудил заявителю 18 тыс. евро в порядке компенсации нематериального ущерба.

Комментарий

Значимость этого дела состоит в том, что выводы о наличии нарушения ст. 3 в сочетании со ст. 14 на основании сексуальной ориентации заявителя достаточно редко встречаются в правоприменительной практике Суда.

Контактная информация EHRAC

Офис EHRAC в Лондоне

European Human Rights Advocacy Centre
London Metropolitan University
TM1-66, Tower Building
166-220 Holloway Road, London, N7 8DB
United Kingdom
www.londonmet.ac.uk/ehrac

Проф. Филип Лич, директор
Тел.: ++44 (0)20 7133 5211
Email: p.leach@londonmet.ac.uk

Тина Девадасан, менеджер проекта
Тел.: ++44 (0)20 7133 5087
Email: ehrc@londonmet.ac.uk

Джоанна Эванс, старший юрист
Тел.: ++44 (0)20 7133 5158
Email: joanna.evans@londonmet.ac.uk

Оксана Попова, референт по
судопроизводству и проектной
деятельности
Тел.: ++44 (0)20 7133 5090
Email: o.popova@londonmet.ac.uk

Бет Саффер, сотрудник по вопросам
развития и связей с общественностью
Тел.: ++44 (0)20 7133 5156
Email: b.saffer@londonmet.ac.uk

Проф. Билл Бауринг, Председатель
Международного наблюдательного
комитета
Тел.: ++44 (0)20 7631 6022
Email: b.bowring@bbk.ac.uk

«EHRAC бюллетень»

Учредитель: Межрегиональная
общественная организация
Правозащитный центр «Мемориал»
Гл. ред.: Касаткина Т.И.

Выпуск 2(11) от 1 декабря 2012 г.
Тираж: 2 350 экз.

Распространяется бесплатно
Адрес редакции и учредителя: 127006, г.
Москва, ул. Каретный ряд, 5
Отпечатано в типографии ООО «Алькор-4»:
11024, Москва, Шоссе Энтузиастов, 9а
Номер заказа:

EHRAC бюллетень зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия. Свидетельство ПИ №
ФС 77-30927 от 18 января 2008 г.

Примечание

С января 2013 г. офис EHRAC будет находиться по новому адресу - Middlesex University, School of Law, The Burroughs, London NW4 4BT. Подробные контактные данные можно посмотреть на нашем новом сайте www.mdx.ac.uk/ehrac (с января 2013 г.).

Информация об EHRAC

Европейский центр защиты прав человека (EHRAC) был основан в 2003 г. в Лондонском университете Метрополитан и является частью факультета общественных и гуманитарных наук. Его основная цель – оказание помощи юристам, частным лицам и неправительственным организациям (НПО) в обращении в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Эта цель осуществляется посредством передачи знаний, создания партнерств и работы по укреплению потенциала местных правозащитных сообществ, а также просветительской работы и информирования о нарушениях прав человека. Изначально работа EHRAC была сосредоточена на России, однако впоследствии ее географические рамки расширились и теперь включают в себя Закавказье. Время от времени организация оказывает содействие в индивидуальных делах из других стран бывшего СССР.

В настоящее время в производстве EHRAC находится около 290 дел, и организация представляет интересы более чем тысячи основных жертв и членов их семей. Эти дела касаются, в том числе, таких проблем, как внесудебные казни, дискриминация по этническому признаку, исчезновения, загрязнение окружающей среды и уголовное правосудие. Более подробную информацию см. на сайте: www.londonmet.ac.uk/ehrac.

Партнерства EHRAC

С 2003 г. EHRAC работает в партнерстве с российской правозащитной НПО Правозащитный центр «Мемориал». Наше тесное сотрудничество продолжается и включает в себя значительный и разнообразный объем судебных дел, а также инициативы в области обучения и укрепления потенциала. Мы также сотрудничаем в области просвещения о механизмах Европейского Суда. Помимо создания других партнерств на территории России мы распространили свою деятельность на Грузию (в 2006 г.), Азербайджан (в 2010 г.) и Армению (в 2012 г.), а также сотрудничаем с множеством других НПО, юристов и частных лиц на всей территории бывшего Советского Союза. Наша работа сосредоточена на оказании менторской поддержки юристам совместных проектов, помогающей им развить свои профессиональные навыки и умения самостоятельного ведения дел. В Великобритании мы, в том числе, работаем в партнерстве с Комитетом по правам человека Коллегии адвокатов и Международным комитетом по правам человека Общества юристов Англии и Уэльса.

Возможности прохождения стажировки

В лондонском офисе EHRAC имеется возможность прохождения стажировки как юридического, так и общего характера. В зависимости от индивидуальной квалификации и навыков в задачи стажера может входить написание резюме судебных дел, помощь в ведении дел, подготовка учебных материалов, проведение исследований, фандрайзинг, написание информационных материалов, работа с прессой и административная работа. К сожалению, EHRAC не имеет возможности предоставлять платные стажировки, однако дает возможность получить ценный опыт работы в области прав человека и НПО. Чтобы получить дополнительную информацию или подать заявку, свяжитесь с нами по электронной почте.

Благодарность за участие в подготовке номера

EHRAC благодарит авторов этого номера:

Галину Арапову, Сонул Бадиани, Уэссен Джазрауи, Мэтью Каффа, Кириллу Коротева, Дмитро Котляра, Кейт Морли, Аваз Рауф, Майкла Редмана, Анну Ричардс, Сирануш Саакян, Джека Торбета и Крейга Хэтчера. Этот номер Бюллетеня подготовили Джоанна Эванс, Тина Девадасан, Джессика Гаврон, проф. Филип Лич и Бет Саффер. Дизайн и верстка – Torske & Sterling Legal Marketing. Перевод материалов на русский язык – Татьяна Томаева.

Бюллетень EHRAC выходит два раза в год. Мы приветствуем статьи, информацию и идеи. Если вы хотите предложить нам материал для публикации, свяжитесь с EHRAC по электронной почте. Материалы Бюллетеня можно воспроизводить без разрешения, однако мы просим при использовании давать ссылку на EHRAC и направлять нам экземпляр публикации.

Россия

ПЦ «Мемориал» (Москва)

127006, г. Москва
Каретный Ряд ул., 5
Тел.: +7 (495) 225 3118
Елена Бондал, координатор проекта
E-mail: memhrc@memo.ru
www.ehrcmos.memo.ru

«Планета надежд» (Озерск)

Надежда Кутепова, руководитель
E-mail: planeta_zato@mail.ru
www.closedcity.ru

НПО «Низам» (Грозный)

Асланбек Исаев, исполнительный директор

E-mail: ngo_nizam@yahoo.com
www.ngo-nizam.com

Грузия

Ассоциация молодых юристов

Грузии (Тбилиси)
Натия Кацитадзе, юрист и
координатор проекта
E-mail: katsitadze@gyula.ge
www.gyula.ge

«Статья 42 Конституции» (Тбилиси)

Нази Джанезашвили,
исполнительный директор
E-mail: office@article42.ge
www.article42.ge

Азербайджан

Общество правового образования

(Баку)
Интигам Алиев, президент
E-mail: legal@azeurotel.com
www.monitoring.az

Институт прав медиа (Баку)

Рашид Гаджили, директор
E-mail: mediarightsaz@hotmail.com
www.mediarights.az

Общественный союз демократии и прав человека (Сумгаит)

Асабали Мустафаев, президент
E-mail: office@humanrights.org.az
www.humanrights.org.az